

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Ненужная жена генерала. Семейный штаб закрыт

Виолетта Весна

**Ненужная жена генерала.
Семейный штаб закрыт**

«Автор»

2026

Весна В.

Ненужная жена генерала. Семейный штаб закрыт / В. Весна —
«Автор», 2026

Девятнадцать лет я была женой генерала Владислава Карпова и человеком, который незаметно решал все семейные проблемы. Но собственное дело я создавала не для того, чтобы муж однажды объявил о его закрытии со сцены областного центра. Он уже решил, что моя служба помощи перейдет под его контроль, сотрудники получают новые должности, а я стану бесплатным советником. Забыл только спросить меня. Я исправила его слова перед камерами. А потом подала на развод. Теперь мне нужно сохранить организацию «Рядом», доказать, что она держится не на генеральской фамилии, и наладить помощь во время ледяного дождя, оставившего часть области без света. Работать придется рядом с мужчиной, который девятнадцать лет принимал заботу за право решать за двоих. Владислав хочет вернуть семью. Но я больше не его бесплатный штаб. Если ему нужен второй шанс, звания и обещаний мало. Ему придется признать меня равной — не наедине, а перед всеми.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Решение без меня	5
Глава 2. Ключи остаются на столе	10
Глава 3. Не семейная помощь	15
Глава 4. Аудит собственной правоты	20
Глава 5. Месяц до развода	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виолетта Весна

Ненужная жена генерала. Семейный штаб закрыт

Глава 1. Решение без меня

— Семейный штаб Ольги закрывается. Его работа перейдет в новый областной центр.

Владислав произнес это спокойно, с той убедительностью, за которую его ценили подчиненные и журналисты. На сцене за его спиной сменился слайд. Вместо знакомой эмблемы «Рядом» появился герб области, а под ним — схема из четырех блоков.

Я знала эту схему. Составила ее два года назад, когда мы впервые попытались объяснить муниципальным службам, почему недостаточно привезти людей в пункт размещения. Нужно подтвердить, что их приняли, записать особые бытовые потребности, найти транспорт для родственников и передать семье сотрудника сведения, которые можно сообщить законно.

Теперь в правом нижнем углу стояла подпись: «Ведомственный центр семейного сопровождения».

Я сидела в третьем ряду между Ларисой и директором гостиницы «Берег». Перед нами работали две камеры. У прохода девушка из пресс-службы следила за очередностью выступающих, а на первом ряду Игорь Витальевич Сапожников одобрительно кивнул.

— Что значит «закрывается»? — тихо спросила Лариса.

— Для меня это тоже новость.

Она повернулась ко мне всем корпусом.

— Ты серьезно?

Я посмотрела на программу. Через семь минут мне предстояло рассказать об итогах года: сто восемьдесят семь семей, получивших помощь, сорок три перевозки, девять договоров на временное размещение. Вчера Владислав спросил, готовы ли слайды. Я ответила, что пришлю утром. Он написал: «Хорошо. Увидимся на открытии».

Ни слова о закрытии.

— Абсолютно.

На сцене муж продолжал объяснять, как новый центр объединит разрозненные инициативы. Он говорил без записей. Правой рукой почти не жестикулировал — старое запястье после нагрузки начинало ныть, хотя сам Владислав никогда на это не жаловался. Я все равно замечала такие мелочи. Девятнадцать лет брака не исчезли за время одного выступления.

— Все проверенные практики будут сохранены, — сказал он. — Ольга Борисовна Карпова согласилась сопровождать переход в качестве внештатного советника. Это позволит ей наконец снизить личную нагрузку, а области — получить устойчивый результат.

В зале зааплодировали.

Лариса не хлопала. Я тоже.

Девушка из пресс-службы подошла к нашему ряду и наклонилась ко мне:

— Ольга Борисовна, после Владислава Михайловича вас объявят. Пожалуйста, поднимайтесь сразу, у нас прямой эфир.

— Я помню.

— У вас та же презентация?

— Уже нет.

Она растерянно улыбнулась, решила, что я пошутила, и вернулась к сцене.

Я открыла на телефоне папку с уставными документами. Последний протокол правления был подписан две недели назад. В нем речь шла о продлении гранта, переговорах с гостиницами и покупке второго резервного источника питания. Закрытие организации правление не обсуждало. Передачу методики тоже.

Значит, на сцене Владислав объявлял не решение. Он сообщал о плане, который считал решенным потому, что придумал его сам.

Когда он закончил, зал поднялся не весь, но аплодисменты были долгими. Владислав пожал руку Сапожникову, уступил место ведущей и только тогда посмотрел на меня. На расстоянии десяти метров выражение его лица почти не изменилось. По программе следующей выступала я.

Я встала.

Лариса поймала меня за рукав.

— Ты что будешь делать?

— Исправлять сведения.

— Здесь?

— Они здесь прозвучали.

Ведущая назвала меня основателем семейного штаба и будущим советником нового центра. Я поднялась по трем ступеням, приняла микрофон и встала у края сцены. С первого ряда Владислав едва заметно покачал головой. Раньше этого движения хватило бы, чтобы я изменила формулировку.

— Добрый день. Прежде чем говорить об итогах работы АНО «Рядом», я должна исправить прозвучавшую информацию. Правление организации не принимало решения о закрытии, присоединении к ведомственному центру или передаче наших материалов. Я не давала согласия на должность внештатного советника. Прошу пресс-службу не включать эти сведения в итоговый материал до официального согласования.

Кто-то в зале кашлянул. Девушка у прохода посмотрела на своего начальника. Оператор второй камеры перевел объектив с меня на Владислава, но тот сидел неподвижно.

— При этом мы готовы обсуждать сотрудничество, — продолжила я. — У государственной службы и гражданской организации разные полномочия. Спасатели отвечают за безопасность и официальные решения. Мы обеспечиваем бытовую логистику там, где она нужна после передачи людей в безопасную зону. Такая работа эффективна, если стороны знают свои обязанности и не дают обещаний друг за друга.

Последняя фраза предназначалась не залу. Владислав убрал правую руку с подлокотника и положил обе ладони на колени. Значит, услышал.

Я не стала читать подготовленную речь. Назвала три результата года, поблагодарила сотрудников и партнеров, сообщила, что полный отчет будет опубликован на сайте. На вопросы отвела пять минут.

Первой подняла руку журналистка городского портала.

— Ольга Борисовна, правильно ли мы понимаем, что новый центр открылся без согласования с организацией, чьи разработки использует?

— Я могу отвечать только за «Рядом». С нами передача разработок не согласована.

— Вы будете требовать убрать материалы?

— Сначала мы направим официальный запрос и сравним документы. Делать юридические выводы со сцены было бы непрофессионально.

— А слова вашего мужа о закрытии штаба — это семейное недоразумение?

Вопрос вызвал движение в зале. Несколько человек подняли телефоны выше.

— Статус автономной некоммерческой организации не определяется семейными договоренностями ее директора. Остальное я обсужу с Владиславом Михайловичем лично.

Я передала микрофон ведущей и спустилась. Лариса молча протянула мне сумку. У выхода нас остановил директор «Берега», с которым мы продлевали договор на сорок мест.

— Ольга Борисовна, нам теперь счета кому выставять?

— До получения письменного уведомления все договоры действуют как прежде. Завтра пришлю подтверждение.

— А новый центр?

— Не является стороной нашего договора.

Он кивнул, но спокойнее не стал. За ним ждала Марина из транспортной компании. Потом подошла руководитель общежития. За десять минут чужое объявление создало мне работу минимум на неделю.

— Ольга.

Владислав стоял у служебной двери. Рядом с ним был Зуев, назначенный руководителем нового центра, и сотрудница пресс-службы с планшетом.

— Нам надо поговорить, — сказал муж.

— Надо. Но сначала ваша пресс-служба должна остановить рассылку.

Сотрудница быстро посмотрела на него.

— Анна, приостановите итоговый материал, — распорядился Владислав. — Андрей Маркович, дайте нам десять минут.

— Пяти хватит, — сказала я.

Он открыл дверь в небольшую комнату за сценой. Там стояли стойки с неиспользованными табличками, два складных стула и стол с бутылками воды. Владислав закрыл дверь, но не сел.

— Почему ты ничего не сказала мне до выхода?

Я поставила сумку на стул.

— Когда именно? Между фразой о закрытии моей организации и сообщением о новой должности?

— Я собирался обсудить детали дома.

— После открытия центра.

— Основное решение принято областью. Центр все равно создается. Я добился, чтобы твои наработки не потеряли и чтобы ты сохранила влияние на процесс.

— Какое влияние у внештатного советника?

— Прямой доступ к руководителю, участие в рабочих группах, возможность корректировать порядок.

— Зарплата?

Он помолчал ровно столько, чтобы ответ стал понятен.

— На переходный период ставка не предусмотрена. Потом можно оформить должность.

— Кто решил, что я хочу закрыть организацию, уволить шесть человек и полгода работать бесплатно?

— Никто не говорит об увольнении. Людей можно перевести.

— Ты предложил им работу?

— Кадровую схему должен утвердить Сапожников.

— То есть нет.

Владислав выдохнул и наконец сел. На совещаниях он делал так редко. Обычно люди садились после него.

— Оля, грант заканчивается в апреле. Я знаю, что продление не подтверждено.

Я почувствовала не удивление, а злость на саму себя. Я никому не запрещала сообщать ему общие данные, но не ожидала, что он воспользуется ими без разговора.

— Откуда?

— Это не закрытая информация. В вашем годовом отчете указан срок.

— И ты решил спасти меня от финансового риска.

— Я решил сохранить работающую систему. Ты шесть лет держишь ее почти на себе. Я видел, как ты возвращалась домой ночью, как отвечала за ужином и отменяла выходные. Теперь будет бюджет, помещение, штат.

— У центра будет. Не у меня.

— Ты сама говорила, что так больше нельзя работать.

— Да. Поэтому мы готовили новый план финансирования и расширяли правление. Я не просила передавать мою работу твоему управлению.

— Управление несет ответственность за область. Разрозненные инициативы должны быть собраны.

— «Рядом» зарегистрирована, ведет отчетность, заключает договоры и проходит проверки. Мы не разрозненная инициатива.

— Без первых встреч, которые я тебе организовал, вы бы потратили годы только на доступ к нужным людям.

Он сказал правду. Шесть лет назад два его звонка открыли двери, у которых я могла бы простоять месяц. Но ни один из тех людей не подписал второй договор из уважения к генеральской фамилии. Они подписывали, потому что мы выполняли первый.

— Ты дал мне контакты, — ответила я. — За это я была благодарна. Но благодарность не передает тебе право собственности на все, что мы сделали потом.

— Я не говорил о собственности.

— Ты только что объявил о закрытии моей организации.

В дверь постучали. Анна сообщила, что Сапожников ждет Владислава для общего фото. Он попросил две минуты и посмотрел на меня.

— Сегодня вечером разберем документы. Если формулировки неудачные, исправим.

— Формулировки здесь ни при чем.

— Тогда что ты предлагаешь?

Раньше я отвечала на такие вопросы списком задач. Составить таблицу, назначить ответственных, найти вариант, при котором его решение станет выполнимым. Даже если мне оно не нравилось.

— Я предлагаю тебе вернуться к гостям. А я поеду в офис и созову правление.

— Это можно сделать после разговора.

— Разговор уже состоялся. Ты принял решение, сообщил его области и оставил мне право обсудить детали дома.

Он встал.

— Не превращай рабочую ошибку в семейную катастрофу.

— Я не превращаю. Я наконец перестаю делать вид, что это разные вещи.

Владислав смотрел внимательно, уже без раздражения, словно ждал привычного списка дел на завтра. После любой нашей ссоры я первой переходила именно к нему.

— Я подаю на развод, — сказала я.

Он не переспросил. Только провел большим пальцем по краю часов на левой руке. Жест был старым: так он проверял ремешок перед неприятным решением.

— Ты сейчас злишься.

— Да.

— Давай вернемся к этому вечером.

— Вечером мы обсудим, кто где будет жить и как разделить расходы. Решение я уже приняла.

За дверью снова позвали Владислава. Он ответил, что идет, и задержался еще на секунду.

— Я не согласен.

— Для разговора о браке это важно. Для моего решения — недостаточно.

Я вышла первой.

На парковке было сыро, под ногами лежал потемневший снег. Лариса ждала в машине организации и говорила по телефону. Увидев меня, закончила разговор и открыла пассажирскую дверь.

— «Берег» просит письмо до четырех. Транспортники тоже. На сайте нового центра уже висит пресс-релиз, но без сегодняшних поправок.

— Поедем в офис.

— А Владислав?

— Вернется домой вечером. Нам тоже придется.

Она завела двигатель, но не тронулась.

— Ты сказала ему?

— Да.

Лариса не спросила, уверена ли я. За это я была ей благодарна сильнее, чем за любые слова поддержки.

По дороге я составила короткое уведомление партнерам. Никаких обвинений, только факты: АНО продолжает работу, договоры действуют, решение о передаче функций не принималось. Потом открыла переписку с Владиславом.

В общем календаре на вечер стояло: «Ужин дома, 20:30». Я внесла запись накануне, подстраиваясь под его совещание. Удалять ее не стала. В половине девятого мы оба все равно должны были оказаться дома, только обычного ужина уже не будет.

Я написала это прежде всего для себя: вечером разговор не должен был снова свестись к исправленным слайдам и полезным знакомствам.

«Домой сегодня вернемся не как раньше. Нам нужен разговор о разводе».

Я перечитала текст один раз и отправила.

Глава 2. Ключи остаются на столе

К восьми вечера я отправила двенадцать писем и получила девять ответов. Четыре партнера подтвердили договоры, трое ждали разъяснения области. Руководитель общежития уже не понимал, кто отвечает за оплату, хотя утром этот вопрос был решен.

Лариса выгнала меня из офиса в половине восьмого.

— Завтра правление в девять, — напомнила она. — Если останешься, начнешь править приложения к гостиничному договору. Они подождут.

— Я только сохраню ответы в папку.

— Уже сохранила.

— Проверила названия файлов?

— Ольга, иди домой и разводишься. Это единственная задача, которую я не могу за тебя закрыть.

Она сказала это без улыбки. Я взяла сумку и ушла.

По дороге домой я поймала себя на желании заехать в магазин. Не потому, что нам нечего было есть. Я просто привыкла покупать продукты перед сложным разговором, словно ужин мог доказать: быт работает, значит, ничего страшного не происходит. На ближайшем перекрестке я проехала прямо.

Владислав приехал раньше меня. Его служебная машина стояла у соседнего дома, чтобы не перекрывать двор. В прихожей лежали его форменные ботинки, рядом — домашние туфли, которые я подарила ему осенью. Обычная картина, за исключением закрытой двери кабинета.

Я сняла пальто и прошла на кухню. На столе стояла тарелка под крышкой.

— Я заказал еду, — сказал Владислав из коридора. — Ты обедала?

— В четыре.

— Тогда поешь сначала.

— Нет.

Он вошел без кителя, в белой рубашке с расстегнутым воротом. Галстук остался в кабинете. Я видела его таким сотни раз: после совещаний, ночных выездов, тяжелых разговоров с начальством. Обычно я спрашивала, сколько у нас есть времени до следующего звонка. Сегодня его график меня не интересовал.

Я достала из сумки блокнот и села.

— У меня пять вопросов. Жилье, текущие расходы, счета, машина и порядок общения.

— У меня один. Ты действительно собираешься разрушить брак из-за сегодняшнего выступления?

— Значит, мой будет шестым. Но сначала практические.

Он отодвинул стул напротив.

— Я отменил итоговый пресс-релиз.

— Нет. Его приостановили. Утреннюю версию уже отправили партнерам.

— Завтра выйдет исправленная.

— В ней останется новый центр?

— Разумеется. Центр создан распоряжением области, помещения и штат утверждены. Я не могу отменить его из-за нашего спора.

— Я этого не требовала.

— Тогда уберем фразу о закрытии «Рядом» и твоим согласии. Потребуется уточнить формулировку о методике. После этого рабочая проблема будет решена.

Я открыла на телефоне файл, который прислала мне Анна из пресс-службы. В конце стояло приложение с планом переходного периода. В графе «Экспертное сопровождение» было мое имя, срок — шесть месяцев, основание — участие по согласованию.

— Что означает «по согласованию»?

Он просмотрел экран.

— План готовили до назначения Зуева. Твое участие предполагалось подтвердить отдельно.

— Но сегодня меня уже представили советником.

— Я считал, что ты согласишься.

— Ты считал. Поэтому подтверждение стало лишним.

— Поэтому я хотел обсудить дома. Не перед камерами.

— Обсуждают до объявления.

Владислав взял телефон, открыл свою почту и быстро нашел нужное письмо.

— Я сейчас дам указание убрать твоё имя из схемы.

— По рабочему вопросу ты напишешь со служебной почты, а я отвечу от имени организации. Не надо исправлять это при мне как семейную услугу.

Он положил телефон экраном вниз.

— Хорошо. Завтра.

— Сегодня. Письма уже разосланы.

— Ольга, рабочий день закончен.

— У вашей пресс-службы? Нет. Анна ждет ответа до девяти, чтобы утром не вышла старая версия.

Он посмотрел на часы и снова взял телефон. На этот раз позвонил не Анне, а дежурному помощнику. Продиктовал коротко: убрать мое имя, исключить формулировку о закрытии АНО, подготовить перечень использованных материалов и направить мне до десяти утра.

— Так подходит? — спросил он после звонка.

— Это исправляет часть последствий.

— Что еще?

— Правление должно проверить, какие материалы вы можете использовать. Не все наши формы общедоступны. Есть договоры с разработчиками, есть персональные данные, есть инструкции для внутреннего обучения.

— Персональные данные никто не передавал.

— Я надеюсь. Завтра проверим.

— Мы можем сделать это вместе.

— Нет. Ты представляешь сторону, которая использовала материалы. Я — сторону, у которой их взяли. Совместная проверка сейчас только добавит вопросов.

Он откинулся на спинку стула. В другой день я бы по выражению его лица поняла, что он устал и сдерживает раздражение. Сегодня мне не требовалось угадывать. Если Владислав хотел, чтобы я знала, он мог сказать.

— Переходим к жилью, — напомнила я. — Я останусь здесь до соглашения. Квартира общая, но у меня нет доступа к ведомственной гостинице, а у тебя есть.

— Я не собираюсь уходить из собственного дома.

— Тогда уйду я и сниму квартиру. Расходы запишем отдельно, потом обсудим с юристом.

— Куда ты поедешь ночью?

— В гостиницу. Завтра найду долгосрочный вариант.

— Это бессмысленно. Мне проще разместиться рядом с управлением.

— Значит, ты все-таки можешь уйти.

Он не ответил сразу. За окном проехала машина, свет фар на секунду лег на потолок. Я закрыла блокнот, чтобы не начать заполнять паузу за нас обоих.

— Я переночую в ведомственной гостинице, — сказал Владислав. — На неделю. Дальше решим.

— До консультации с юристами.

— У меня нет юриста для развода.

— Найдешь, если понадобится.

— Ты уже нашла?

— Я написала Наталье Шатровой. Она ответит утром.

Владислав провел ладонью по затылку. Я редко видела этот жест. На публике он не касался лица и волос, словно любое лишнее движение могло показать больше, чем он намеревался.

— Ты написала юристу через три часа после открытия.

— Через два часа сорок минут.

— И это должно доказать, что решение не принято в гневе?

— Нет. Это должно помочь мне не наделать ошибок с квартирой и счетами.

— А со мной ты боишься ошибиться меньше?

Вопрос был неприятным, но справедливым. Я могла ответить так же.

— Я боюсь, что через неделю ты исправишь документы, найдешь деньги для «Рядом», пригласишь меня на ужин, и мы вернемся к прежней жизни. Только теперь я буду знать, что в любой момент ты можешь назначить мне новую роль.

— Я не собирался отнимать у тебя работу.

— Ты собирался выбрать, в каком виде она сохранится.

— Потому что видел риск.

— Я тоже его видела.

— Почему не сказала мне о гранте?

Я ожидала этого вопроса с момента разговора за сценой.

— Сегодня мы не будем разбирать все причины. Я отвечу, но не сейчас.

— Удобно.

— Да. Мне сейчас нужен разговор с юристом и правлением, а не признание, после которого ты снова предложишь готовый выход.

Он встал, дошел до окна и вернулся, не повышая голоса. Так Владислав вел себя, когда не видел привычного порядка действий.

— Хорошо. Текущие расходы?

Я снова открыла блокнот.

— Коммунальные услуги и страхование квартиры пополам. Продукты каждый оплачивает сам. Общая карта остается только для обязательных платежей, лимит не меняем. Крупных переводов без уведомления не делаем.

— Согласен.

— Личные счета не трогаем. Доступов друг у друга и так нет.

— Согласен.

— Машина организации не входит в наше имущество. Личный седан оформлен на тебя, универсал, который мы покупали пять лет назад, — общий.

— Оставь универсал себе.

— Это обсудим после оценки.

— Он тебе нужен.

— Нужен. Поэтому я готова учесть его стоимость при разделе, а не принять как подарок за мирный развод.

— Я не покупаю твое согласие.

— Тогдаждемся оценки.

Он кивнул не сразу.

— Пятый вопрос, — сказала я. — По делам «Рядом» ты пишешь на официальную почту. Если вопрос срочный, звонишь на рабочий номер. Никаких звонков партнерам, сотрудникам и членам правления без запроса.

— Я не собираюсь обходить тебя через сотрудников.

— Сегодня ты обошел не меня. Ты обошел всю организацию.

На этот раз он не возразил.

— По личным вопросам? — спросил он.

— Пишем и звоним напрямую. Не через помощников, Ларису или общих знакомых.

— Я никогда не обсуждал наш брак с помощниками.

— Тогда это будет нетрудно.

Мы записали договоренности каждый в своем телефоне. Через несколько минут Владислав прислал мне текст, чтобы не осталось разных версий. Я исправила фразу «до урегулирования ситуации» на «до отдельной договоренности или соглашения юристов». Он прочитал и согласился.

Рабочие правила мы согласовали быстро. Проблемы начинались там, где один из нас заранее решал, что второй все равно поддержит.

— Теперь шестой вопрос, — сказал Владислав. — Ты меня любишь?

Я положила ручку.

— Да.

Он несколько секунд молчал.

— Тогда зачем развод?

— Потому что любовь не вернула мне право участвовать в решениях о моей жизни.

— Одно решение.

— Не одно. Куда мы переезжали. Когда я увольнялась, потому что твой перевод совпал с моим повышением. С кем мы проводили отпуск, если у тебя оставалось четыре свободных дня. Когда моя мать могла приехать, чтобы не мешать твоей подготовке. Сегодня просто впервые пострадал не мой график, а работа шести человек.

— Мы обсуждали переезды.

— Ты сообщал, что перевод вероятен. Я искала квартиру и работу. Это было обсуждение последствий.

— Ты ни разу не сказала, что не поедешь.

— Верно. Я ехала. Я отвечаю за то, что каждый раз соглашалась и называла это нашим общим выбором.

Он сел обратно.

— Ты сейчас переписываешь девятнадцать лет так, будто я держал тебя силой.

— Нет. В наших девятнадцати годах было много хорошего. Именно поэтому я так долго не замечала, насколько мало места осталось для моих решений.

— И ничего нельзя изменить?

— Можно. Но я не останусь женой на испытательный срок, пока ты учишься спрашивать.

Владислав посмотрел на меня так, как смотрел после долгих смен: прямо, без защиты, слишком устало для официального лица. Я знала, что могла подойти, положить руки ему на плечи, сказать, что нам обоим нужен сон. Мы делали это после сложных дней. Наутро появлялся порядок, но ни один важный разговор не становился полнее.

Я осталась на месте.

— Я соберу вещи на неделю, — сказал он. — Потом вернемся к жилью.

— Хорошо.

Он ушел в спальню. Я открыла ноутбук и подготовила официальное требование: удалить мое имя из штатной схемы, приостановить использование внутренних материалов, предоставить перечень файлов и оснований. Текст занял страницу. Я отправила его с рабочей почты на адрес управления, поставив в копию председателя нашего правления.

Через двадцать минут Владислав вернулся с небольшой дорожной сумкой. Я не следила, что он взял. Это была не проверка имущества.

У двери он снял связку ключей и положил на тумбу один ключ от квартиры.

— Запасной у меня останется. Это и мой дом тоже.

— Конечно. Если решишь приехать, предупреди.

— Я не согласен на развод, Оля.

— Я услышала.

— И не считаю, что сегодняшнее решение определяет весь наш брак.

— Его определяет то, как оно было принято.

Он хотел сказать что-то еще, но вместо этого застегнул куртку.

— Завтра я отвечу на письмо официально.

— Спасибо.

— Не благодари меня за то, что я исправляю собственную ошибку.

Это была первая фраза за весь день, в которой он не пытался уменьшить случившееся. Я запомнила ее, но не стала превращать в обещание.

Когда дверь закрылась, я убрала оставленный ключ в ящик тумбы. Потом вернулась на кухню, открыла письмо от председателя правления и увидела две строки: экстренное заседание подтверждено на девять утра; представитель нашего основного донора просит до полудня сообщить, кто теперь управляет «Рядом».

Вопрос был сформулирован просто. Ответ на него предстояло доказать не только письмом.

Глава 3. Не семейная помощь

В девять утра в переговорной не хватило одного стула. Обычно это решалось за минуту: кто-нибудь приносил складной из учебного зала. В этот раз никто не встал. Пятеро членов правления, Лариса и Тимофей ждали, пока я объясню, существует ли у них организация.

Я закрыла дверь и осталась стоять у экрана.

— Начну с главного. «Рядом» не закрывается. Правление не принимало решения о передаче функций. Я не соглашалась переходить в областной центр.

Николай Данилович Резников, председатель правления, снял очки и положил их рядом с распечаткой утреннего пресс-релиза.

— В исправленной версии этого уже нет. Но вчера было.

— Было. Владислав Карпов объявил план, который не согласовал ни со мной, ни с вами.

— Почему?

— Потому что считает ведомственный центр более устойчивым решением. И потому что привык, что я поддерживаю его решения.

Последнюю фразу я произнесла без подготовки. Лариса опустила взгляд в ноутбук. Остальные смотрели на меня.

— Вы разводитесь? — спросила Алевтина Петровна, руководившая городским центром временного размещения и входившая в правление с первого года.

— Я приняла такое решение. Сегодня договорюсь о консультации с юристом.

— Это касается работы?

— Уже касается. Поэтому я сообщаю сейчас, а не после оформления.

Николай Данилович вернул очки на место.

— Тогда нам нужна полная картина, включая деньги. Без семейной деликатности.

Я включила первый слайд: остаток на счетах, подтвержденные поступления, обязательные платежи. Еще вчера я собиралась показать эти цифры только в конце месяца, вместе с вариантами продления гранта.

— Основной грант действует до тридцатого апреля, — сказала я. — Заявка на продление подана, но решение задерживается. Официального отказа нет. Подтверждения тоже.

— Когда ты узнала о задержке? — спросил Николай Данилович.

— Три недели назад.

— Почему правление узнает сейчас?

— На ближайшем заседании я собиралась представить три сценария. Считала, что до этого успею договориться с двумя партнерами.

— Считала или надеялась?

— Надеялась и работала. Но информировать вас следовало раньше.

Он сделал запись и не стал ни утешать, ни добивать.

На экране появилась таблица расходов.

— Средняя месячная нагрузка — один миллион семьдесят тысяч. Зарплаты и начисления — шестьсот двадцать тысяч, аренда и связь — сто сорок, транспорт и хранение — сто десять. Остальное зависит от числа заявок. На счетах и в подтвержденных поступлениях — два миллиона сто сорок тысяч. Без нового финансирования мы проработаем два полных месяца и начнем сокращать расходы в третьем.

— Зарплаты за май закрыты? — спросила Лариса.

— При текущем плане — да. За июнь частично.

Тимофей перестал печатать. Он сидел у края стола и до этой минуты делал вид, что протокол важнее разговора.

— А если часть функций уйдет в центр? — спросил он. — Нам предложат места?

— Никаких официальных предложений нет. Вчера Владислав сказал, что кадровую схему еще должны утвердить.

— Но вообще он хочет забрать нас всех или только базу?

— Тим, — предупредила Лариса.

— Что? Я хочу понять, надо ли обновлять резюме.

— Надо, — сказала я.

Лариса подняла голову.

— Даже если мы остаемся?

— Каждый сотрудник должен знать, что у него есть выбор. Я не буду требовать верности организации, которой пока не обеспечила финансирование.

— Хорошо, — отозвался Тимофей. — Тогда мой выбор пока здесь. Но хотелось бы, чтобы это «пока» не закончилось тридцатого апреля.

Я переключила слайд.

— У нас есть два неподтвержденных пожертвования на общую сумму четыреста восемьдесят тысяч. Обучающие программы в апреле могут принести еще сто пятьдесят. Этого недостаточно. Предлагаю остановить покупку оборудования, сократить внешние услуги и сегодня заказать независимую проверку всех процессов, которые могут вызвать вопросы у партнеров.

— Зачем тратить деньги на проверку, когда денег мало? — спросила Алевтина Петровна.

— Потому что после вчерашнего нам придется доказывать, что «Рядом» может работать без доступа к кабинету моего мужа.

— Может?

Я хотела ответить сразу, но на экране стояли две неудобные строки. Три ранних договора появились после встреч, организованных Владиславом. Резервное помещение нам обещали в здании его управления, причем письменного соглашения не было.

— Организация может выполнять основную работу самостоятельно, — сказала я. — Но у нас есть неформальные договоренности, от которых надо отказаться или оформить их правильно. Я отвечаю за то, что позволила им оставаться устными.

Лариса закрыла ноутбук.

— И еще нам надо перестать называть себя семейной помощью.

— Это есть в уставе, — заметил Николай Данилович.

— В уставе есть поддержка семей и граждан в кризисной ситуации. А мы шесть лет говорим: «Помогаем семьям спасателей». Звучит так, будто Ольга обзванивает знакомых жен, пока муж руководит серьезными людьми.

— Я никогда так не думал, — сказал Тимофей.

— Ты работаешь здесь. А вчера полный зал спокойно услышал, что генерал закроет штаб жены и возьмет полезное себе. Никто не спросил, кто имеет право закрывать АНО.

Я посмотрела на распечатку пресс-релиза. Слово «семейный» встречалось там семь раз. Слово «логистика» — ни разу.

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

— Посчитать работу. Не только семьи и добрые дела. Часы операторов, договорные места, подтвержденные перевозки, стоимость одной выполненной заявки, число отказов из-за нехватки ресурса. И написать, что конкретно мы делаем, а чего не делаем.

— Это надо было сделать раньше, — сказал Николай Данилович.

— Да, — ответила я. — Надо было.

Вчера Владислав ошибся, решив, что может распорядиться нашим будущим. Сегодня я не собиралась доказывать независимость тем же способом — единолично объявить всем, что делать дальше.

— Нам нужно решение правления, — сказала я. — Первый вариант: начать добровольное закрытие после завершения гранта и передать только те материалы, права на которые принад-

лежат нам. Второй: согласовать переход сотрудников в ведомственный центр, если поступят официальные предложения. Третий: продолжить работу, искать отдельное финансирование и пройти аудит.

— Ты за третий, — сказал Николай Данилович.

— Да. Но мой голос не должен быть единственным.

Мы спорили почти час. Алевтина Петровна напомнила о более надежном областном бюджете. Лариса спросила, кто сохранит наши правила после перевода. Гарантий не было. Один из членов правления предложил вести переговоры параллельно.

К одиннадцати мы приняли промежуточное решение: «Рядом» продолжает работу, публично подтверждает самостоятельный статус и заказывает внешний аудит. Переговоры с новым центром возможны только после письменного предложения и с участием правления.

— Теперь источник денег, — сказал Николай Данилович. — Продлением гранта мы не управляем. Что еще?

Я открыла список конкурсов, который собирала последние две недели. Два не подходили по срокам, один требовал софинансирования, которого у нас не было. Четвертый был городским отбором оператора социального сопровождения, но опубликованные условия касались обычных бытовых услуг, а не кризисной логистики.

— Я уточню по городскому отбору, — сказала я. — Возможно, они примут отдельное направление.

— Уточни сегодня.

Заседание закончилось голосованием. Пять голосов за продолжение работы, один — за параллельные переговоры о переходе. На внешний аудит выделили до трехсот тысяч рублей. Покупку резервного источника питания отложили.

После заседания сотрудники остались в переговорной. Я не просила их об этом.

— Теперь без членов правления, — сказала Лариса. — Нам сокращают зарплаты?

— В марте и апреле — нет. Дальше зависит от финансирования. Если риск изменится, сообщу в тот же день.

— Работы станет больше? — спросила координатор гостиниц Вика.

— В ближайшие три недели — да. Дополнительные часы либо оплачиваем, либо переносим задачи. Бесплатных переработок не будет.

— Из какого бюджета оплачиваем? — Лариса постучала пальцем по таблице.

— Из резерва на апрельские программы. Поэтому часть обучения придется перенести.

— Уже лучше. А то я решила, что мы спасем независимость привычным способом: Ольга не спит, остальные стараются не мешать.

Несколько человек улыбнулись. Я нет.

— Так и было?

— Иногда. Ты проверяешь наши письма после отправки, звонишь в гостиницу после моего подтверждения и держишь у себя номера людей, которых нет в общей базе.

— Потому что часть контактов личные.

— Значит, они не ресурс организации. А мы считаем их ресурсом.

Я хотела перечислить случаи, когда мой повторный звонок спасал заявку. Вместо этого записала вопрос в блокнот.

— До аудита составьте список процессов, которые зависят от меня лично. Без смягчений.

— Давно пора, — сказала Лариса.

В половине первого я позвонила Владимиру Игоревичу Сомову, с которым дважды встречалась на рабочих группах.

— Ольга Борисовна, видел вчерашнюю запись, — сказал он после приветствия. — Сразу предупрежу: семейные обстоятельства условия отбора не меняют.

— Именно поэтому звоню. В опубликованной документации нет кризисной логистики. Город планирует отдельного оператора?

— Изменения выложили сегодня утром. Направление добавили после январского разбора отключений. Прием заявок закрывается через двадцать один день.

Я открыла сайт департамента. Новый файл действительно появился в девять двадцать. Объем был сорок восемь страниц.

— Можем участвовать как АНО?

— Если соответствуете требованиям.

— Представитель областной спасательной службы входит в комиссию?

— В экспертную группу. И здесь у вас очевидный конфликт интересов.

— Владислав Карпов не управляет организацией и не входит в правление.

— Но его управление открыло центр с теми же функциями, а вчера он публично сообщил о вашем присоединении. Комиссия спросит, самостоятельная ли у вас заявка и не получите ли вы доступ к ресурсам, которых нет у других участников.

— Что потребуется?

— Полное раскрытие связей, письменные основания по каждому ведомственному ресурсу и отвод заинтересованных лиц. Это минимум. Решение принимает комиссия, я не могу обещать допуск.

— Мне и не нужно обещание. Мне нужен перечень.

— Направлю официальный ответ на запрос. Сначала пришлите письмо.

Я поблагодарила и положила трубку.

— Двадцать один день? — спросила Лариса из соседнего стола.

— Да.

— Реально?

Я посмотрела на сотрудников. Тимофей уже открыл документацию, Вика доставала папки договоров, бухгалтер подключалась к общей системе удаленно. Еще вчера я бы сказала: реально, если все сделают то, что я сейчас распределю.

— Узнаем после первичной проверки требований, — ответила я. — К трем часам каждый отмечает свой раздел. В четыре решаем, подаемся или нет.

— Вот теперь похоже на правление, — заметила Лариса.

К четверем у нас было семь критических замечаний и шестнадцать задач. Не хватало независимого заключения по данным, подтвержденных смен волонтеров и формального договора на резервное помещение. Ни одна проблема не решалась за вечер, но ни одна не выглядела безнадёжной.

Правление собралось повторно по видеосвязи. Мы проголосовали за участие в отборе, заморозили расширение горячей линии и утвердили аудит. Я отдельно внесла в протокол обязанность раскрыть контакты, которые появились через Владислава.

В семнадцать десять мне позвонил финансовый директор машиностроительного завода. Их благотворительная программа обещала нам триста тысяч в марте. Договор находился на согласовании.

— Ольга Борисовна, нам придется приостановить платеж, — сказал он. — До официального подтверждения вашего статуса.

— Утром вы получили наше письмо. Организация продолжает работу.

— Получили. Но час назад мне звонил Владислав Михайлович. Сказал, что областной центр обеспечит непрерывность проекта и попросил не принимать поспешных решений.

Я медленно записала время звонка.

— Он просил перечислить деньги центру?

— Нет, конечно. Просто заверил, что вопрос решается. Но теперь непонятно, кто сторона проекта и не будет ли двойного финансирования. Юристы попросили поставить платеж на паузу.

— Пришлите решение письменно. Мы направим пакет подтверждений.

— Разумеется. Ничего личного.

— Здесь и не должно быть личного.

После разговора я посмотрела на остаток средств еще раз. Два миллиона сто сорок тысяч превратились в один миллион восемьсот сорок подтвержденных. Аудит еще не был оплачен.

Я взяла рабочий телефон, но номер Владислава набрала на личном.

Он ответил сразу.

— Оля?

— Ты звонил нашему партнеру.

— Да. Хотел, чтобы они не отменяли платеж из-за вчерашнего объявления.

— Они его приостановили из-за твоего звонка.

Он молчал несколько секунд — дольше, чем обычно отвечал на рабочие вопросы.

Глава 4. Аудит собственной правоты

— Что именно они сказали? — спросил Владислав.

Я включила громкую связь и положила телефон рядом с расчетом бюджета.

— Платеж приостановлен. После твоего звонка их юристы увидели риск двойного финансирования и не понимают, кто управляет проектом.

— Я не просил перечислять деньги центру.

— Знаю.

— Я сказал, что работа продолжится при любом организационном решении.

— Ты подтвердил, что организационное решение принимаешь ты.

На другом конце было слышно, как закрылась дверь. Вероятно, он вышел из кабинета или попросил помощника оставить его одного. Раньше я сразу представляла, где он находится и кто может войти. Сейчас это не помогало.

— Я хотел не допустить, чтобы вы потеряли партнера из-за моей формулировки, — сказал Владислав.

— И снова действовал без вопроса.

— Времени не было.

— Было. Можно было написать мне: «Они собираются приостановить платеж, хочешь, я объясню?»

— Пока ты ответила бы, решение могли принять.

— Его приняли после твоего объяснения.

Он замолчал. Я дала ему время ответить, хотя перед глазами стояли цифры, которые хотелось пересчитать в третий раз.

— Что нужно сделать? — спросил он.

— Тебе — больше ничего.

— Я могу позвонить и уточнить.

— Нет. Ты не связываешься с нашими донорами, партнерами, сотрудниками и членами правления, пока я не попрошу об этом письменно.

— Даже если они сами обратятся?

— Если вопрос касается официальной работы управления, отвечай в пределах своих полномочий. Если речь идет о «Рядом», перенаправляй к нам и фиксируй обращение.

— Это избыточно.

— Триста тысяч рублей тоже казались избыточными, пока не исчезли из подтвержденного бюджета.

— Они не исчезли.

— Я не могу платить ими зарплату, пока договор стоит на паузе.

Он снова сделал паузу. Вчера мы спорили о намерениях. Сегодня у нас появилась цена.

— Хорошо, — сказал Владислав. — Я не буду обращаться к вашим партнерам без письменного запроса. Если они позвонят мне, направлю их к вам.

— Пришли это сообщением.

— Ты мне не веришь?

— Мне нужна договоренность, к которой мы оба сможем вернуться без спора о словах.

— Пришлю.

Он не попрощался сразу.

— Ты сегодня ночуешь дома? — спросил он.

— Да.

— Я тоже остаюсь в гостинице. Завтра заеду за формой в семь тридцать. Тебе подходит?

— Подходит.

— Предупрежу перед выездом.

Через минуту сообщение пришло. Владислав повторил условия почти дословно. Я сохранила его в папке личной переписки, закрыла бюджет и поехала домой.

Он появился утром в семь двадцать восемь, предварительно написав. Я открыла дверь, когда он уже доставал свой ключ.

— Я бы вошел сам, — сказал Владислав.

— Знаю. Но я не спала.

На нем была спортивная куртка, под глазами темнели следы короткой ночи. Он снял обувь и прошел в спальню. Я осталась на кухне с чашкой чая. Через пятнадцать минут он вернулся в форме, с чехлом для второго комплекта и папкой документов.

— Ответ на письмо подписан, — сообщил он. — Твое имя из схемы исключено. Перечень материалов направят до десяти. Использование внутренних документов приостановлено.

— Хорошо.

— По пресс-релизу будет отдельное исправление.

— Пришлите ссылку на официальную почту.

Владислав посмотрел на меня, затем на чашку.

— Ты ничего не ела.

— Я поем в офисе.

— Там ты забудешь.

— Это уже моя ответственность.

Фраза прозвучала жестче, чем я собиралась. Он не стал спорить.

— Вечером я не приеду. Завтра тоже. График отправлю, когда получу.

— Не надо весь график. Только время, когда тебе потребуется квартира.

— Хорошо.

У двери он задержался.

— Оля, я понял про партнеров.

— Посмотрим.

Он кивнул и ушел.

В девять сорок в офис приехала Ирина Васильевна Пахомова, руководитель небольшой компании, которая проверяла некоммерческие организации перед крупными конкурсами. Я знала ее по двум областным проектам. Она не обещала провести аудит быстро и дешево, поэтому мы выбрали именно ее.

— За две недели можно сделать первичную проверку и закрыть критические замечания, — сказала она после просмотра наших документов. — Полная работа займет месяц. Стоимость первого этапа — двести сорок тысяч.

— Правление утвердило до трехсот.

— Тогда сразу договоримся: вы платите не за положительное заключение. Если увижу проблему, она попадет в отчет.

— За это и платим.

Лариса сидела рядом и делала пометки.

— С чего начинаем? — спросила она.

— С того, без чего организация встанет, если Ольга Борисовна завтра заболит.

— С половины процессов, — ответила Лариса.

Я повернулась к ней.

— Вчера ты говорила про несколько.

— Вчера рядом сидело правление. Сегодня у нас человек, которому платят за неприятные вопросы.

Ирина Васильевна попросила показать путь одной обычной заявки. Тимофей открыл систему: обращение, согласие на обработку данных, категория помощи, назначенный координатор, результат. На экране все выглядело чисто.

— Возьмем сложную, — сказала аудитор. — Нужен транспорт вечером, у человека ограничена подвижность, свободных машин в реестре нет. Что вы делаете?

Тимофей посмотрел на меня.

— Звоним Ольге Борисовне.

— Почему?

— У нее есть резервные контакты.

— Где?

Я достала личный телефон.

— Здесь. Несколько водителей не хотят входить в общий список, но готовы помочь по моему звонку.

— Есть договор?

— С частью есть договоры на разовые поездки. С частью оформляем соглашение перед выездом.

— Кто оформляет, если вы недоступны?

— Бухгалтер или Лариса.

— Кто знает, кому звонить?

Ответить было нечего.

Ирина Васильевна попросила список резервных помещений. Из четырех два были подтверждены договорами. Третье нам предоставлял колледж по письму директора, срок письма закончился в декабре. Четвертым был учебный класс в здании управления Владислава. Мы использовали его один раз на учениях, письменного соглашения не заключили.

— Убираем из мощности, — сказала я.

— Подожди, — возразила Лариса. — Мы можем оформить.

— Можем запросить на общих основаниях. Пока ответа нет, ресурса нет.

Ирина Васильевна ничего не сказала, только поставила отметку.

Потом мы проверили доступы к системе. У Тимофея были права администратора, у меня — полный доступ, у Ларисы — рабочий. Если Тимофей отсутствовал, новые роли назначала я. Резервного администратора не было.

— Я могу обучить Ларису за два дня, — сказал он.

— Почему раньше не обучил? — спросила аудитор.

— Не требовалось.

— Требовалось, — сказала я. — Я откладывала.

К обеду на доске висело двадцать три замечания. Четыре Ирина Васильевна назвала критическими: личные контакты без резервного доступа, неполные основания по помещениям, отсутствие второго администратора и неоднозначное подтверждение результата по части заявок.

Последний пункт я оспорила.

— У нас есть поле «выполнено» и комментарий координатора.

— Что означает «выполнено» для перевозки? — спросила она.

— Человек доставлен по адресу.

— Где подтверждение принимающей стороны?

— В комментарии.

Мы открыли карточку февральской перевозки. Координатор написал: «Машина выехала, вопрос закрыт». Я помнила эту семью и знала, что их довезли. Позвонила на следующий день лично.

— Ваш звонок отражен в карточке? — спросила Ирина Васильевна.

— Нет. Я записала в своей таблице.

— Покажите.

Таблица лежала на моем ноутбуке. Я вела ее для себя: сложные заявки, повторные звонки, договоренности, которые требовали внимания. У сотрудников доступа не было, потому что там находились личные заметки.

Лариса просмотрела первые строки.

— Здесь половина того, что мы считаем закрытым на общем собрании.

— Не половина. За февраль — девять из ста сорока заявок.

— Девять, о которых знаешь только ты.

Я хотела сказать, что все девять закрыты правильно. Но вопрос был не в результате. Если завтра меня не будет, команда не узнает, какие подтверждения существуют.

— Эту таблицу больше не ведем, — сказала я. — Перенесем нужные поля в общую систему.

— С персональными заметками осторожно, — предупредила Ирина Васильевна. — Сначала определите, что действительно нужно хранить и на каком основании.

— Тимофей, подготовишь варианты без переноса лишних данных?

Он не ответил сразу. Обычно я просила его сделать конкретно то, что уже придумала. Сейчас вопрос требовал от него решения.

— Подготовлю три варианта к завтрашнему обеду, — сказал он. — И назначим второго администратора после обучения.

— Кого предлагаешь?

— Ларису по доступам, Вику как резерв по заявкам. Если одну сделать второй копией меня, мы просто получим новую точку отказа.

— Согласна.

Лариса усмехнулась.

— Запишите дату. Ольга согласилась до того, как проверила наши способности лично.

— Не порть момент.

После обеда мы подписали договор с аудитором и оплатили первый этап. Бухгалтер прислала обновленный остаток: один миллион шестьсот тысяч подтвержденных средств после обязательных платежей и проверки. Второй источник резервного питания пришлось вычеркнуть из закупок.

— Если в апреле отключат свет, у нас сервер продержится четыре часа, — напомнил Тимофей.

— Связь и серверное оборудование, — уточнила я. — Не весь офис. Готовим порядок перехода в муниципальный центр и бумажный журнал.

— Это дополнительная работа.

— Внеси часы в план. Если не помещается, скажи, что снимаем.

Он назвал две обучающие встречи, которые можно было перенести. Я почти предложила провести их сама вечером, но остановилась.

— Переноси после согласования с заказчиками.

До конца дня я трижды открывала новую таблицу доступов и каждый раз закрывала, не исправляя чужие строки. Лариса заметила на третий раз.

— Руки заняты?

— Они заняты.

— Тогда отойди от моего стола.

Я отошла.

В шесть вечера пришло официальное письмо управления. Мое имя убрали из кадровой схемы, внутренние материалы временно сняли с портала, перечень файлов приложили. В

конце стояла фраза: «Дальнейшее использование возможно только после определения правообладателя и письменного согласования».

Отдельно Владислав прислал личное сообщение: «Контактов с вашими партнерами не было. Все обращения перенаправлены на общий адрес. Если потребуется мое участие, сначала спрошу».

Я прочитала и не ответила. Договоренность выполнялась один день. Этого было достаточно, чтобы отметить факт, и слишком мало для выводов.

На следующее утро Ирина Васильевна проверила, как мы начали переносить подтверждения. Замечаний стало не меньше, но они приобрели сроки и ответственных. Лариса получила административный доступ в тестовой среде. Вика обзвонила гостиницы и запросила новые письма о вместимости. Я передала бухгалтеру право подтверждать расходы до пятидесяти тысяч в рамках утвержденной сметы.

Подпись далась мне труднее, чем должна была. До этого каждый такой платеж проходил через меня.

— Если сомневаешься, отмени, — сказала бухгалтер по видеосвязи.

— Не сомневаюсь в тебе. Привыкаю к тому, что я не последняя кнопка во всех операциях.

— Привыкай быстрее. У нас конкурс через три недели.

В половине пятого позвонила Наталья Шатрова.

— Завтра в десять у меня освободилось окно, — сказала она. — Сначала приходи одна. Разберем имущество, документы и варианты процедуры. Если супруг готов обсуждать совместное заявление, его можно пригласить к одиннадцати.

— Он пока не готов к разводу.

— Это не мешает тебе получить консультацию.

— Я буду в десять.

После звонка я открыла календарь. На завтра уже стояли две рабочие встречи, проверка базы волонтеров и разговор с донором. Я перенесла то, что могла, а проверку поручила Тимофею.

Он принял задачу без вопроса, буду ли я рядом.

Назавтра мне предстояло ехать к юристу, оставив важную работу другим людям. Оба решения пугали меня по одной причине: после них уже нельзя было утверждать, что без моего постоянного участия ничего не получится.

Глава 5. Месяц до развода

В кабинете Натальи Шатровой не было ничего, что помогало бы забыть, зачем я пришла. Два стула перед столом, шкаф с папками, принтер и часы на стене. Клиентам здесь предлагали воду, а не сочувствие.

— Начнем с фактов, — сказала Наталья. — Дата регистрации брака?

Я назвала.

— Общие несовершеннолетние дети?

— Нет.

— Брачный договор?

— Нет.

— Недвижимость?

— Трехкомнатная квартира, куплена двенадцать лет назад. Ипотека закрыта четыре года назад. Другой недвижимости нет.

— Машины?

— Личный седан оформлен на Владислава, универсал — на меня. Оба куплены в браке. Автомобиль АНО принадлежит организации.

— Счета, вклады, кредиты?

Я открыла подготовленную таблицу. Наталья просмотрела суммы и попросила прислать выписки.

— Владислав знает обо всех ваших счетах?

— О существовании — да. Точных остатков на личном счете может не знать. Я не знаю его остатки.

— Это нормально. Для раздела понадобятся подтверждения на нужную дату. Сейчас ничего не переводите родственникам, не снимайте крупные суммы и не пытайтесь заранее «спрятать свое». То же требование передайте супругу письменно.

— Мы уже договорились не делать крупных переводов без уведомления.

— Хорошо. Это не заменяет соглашение, но снижает риск. Почему хотите развестись?

— Для заявления достаточно, что семейная жизнь не сложилась.

Наталья подняла на меня глаза.

— Для заявления — да. Для выбора порядка переговоров мне нужно понимать, есть ли насилие, угроза, финансовое давление, зависимость, риск уничтожения документов.

— Ничего такого нет. Владислав не угрожал мне, не ограничивал деньги и не забирал документы. Он не согласен на развод, но вчера добровольно переехал в ведомственную гостиницу.

— Измена?

— Нет.

— Вы уверены или просто не хотите обсуждать?

— Уверена настолько, насколько вообще можно знать о другом человеке. Причина не в третьем лице.

— Тогда возможны два пути. Если он согласится, совместное заявление и регистрация через ЗАГС после установленного срока. Если нет, подаете иск. При отсутствии спора о детях это не самая сложная процедура, но суд может дать время для примирения. Имущество можно разделить соглашением отдельно, не связывая с датой прекращения брака.

— Я хочу подать совместное заявление сегодня.

— Он знает?

— Знает, что приглашен к одиннадцати. Я написала, что речь будет о процедуре и имуществе. На четырнадцать часов у меня запись в отдел ЗАГС. Если он откажется, я ее отменю и начну готовить иск.

Наталья проверила календарь.

— Не ставьте ему условие: либо подписываешь сейчас, либо я забираю квартиру. И не обещайте отказаться от имущества в обмен на согласие.

— Не собираюсь.

— Большинство не собирается до первого тяжелого разговора.

Она попросила перечислить, что я считаю справедливым разделом. Половина чистой стоимости квартиры каждому, машины по оценке с компенсацией разницы, личные вещи владельцам, совместные накопления поровну, профессиональные активы АНО не входят в семейное имущество.

— Квартира вам нужна? — спросила Наталья.

Я представила комнаты, в которых мы жили последние двенадцать лет. Рабочий стол Владислава, мой шкаф с папками, кухню, где вчера записывали правила разъезда.

— Пока не знаю. Мне нужно место ближе к офису. Эта квартира удобна ему не меньше, чем мне.

— Тогда не принимайте решение сегодня. Закажите независимую оценку, проверьте рынок и расходы на продажу. Можно развестись раньше, чем закончится раздел.

— Именно этого я хочу.

— А если он предложит оставить вам все?

— Не соглашусь без расчета.

— Почему?

— Потому что не хочу получать безопасность как его последнее решение за меня.

Наталья записала формулировку без комментария.

Владислав пришел в десять пятьдесят семь. На нем был темный костюм, не форма. Он поздоровался с Натальей, сел рядом со мной и положил на стол папку.

— Выписки по счетам, документы на машины и копия договора купли-продажи квартиры, — сказал он. — Оригиналы дома.

— Быстро, — заметила Наталья.

— Ольга написала список вчера.

Я не писала ему список. Мы обсуждали категории, а документы он собрал сам. Это было похоже на прежнего Владислава: если задача названа, он готовил больше необходимого. Проблема начиналась, когда он называл задачу за обоих.

Наталья объяснила варианты еще раз. Владислав слушал, не перебивая, затем спросил:

— Если я не дам согласие на совместное заявление, сколько займет суд?

— Я не могу назвать точный срок. Он зависит от позиции сторон, загрузки суда и того, будет ли предоставлен срок для примирения. При отсутствии согласия Ольга Борисовна вправе обратиться с иском.

— То есть мое несогласие ничего не остановит.

— Оно изменит процедуру и срок, но не создает бессрочного права удерживать супруга в браке.

Владислав повернулся ко мне.

— Ты поэтому назначила ЗАГС на сегодня?

— Я назначила прием, чтобы у нас была возможность подать совместно. Если ты откажешься, я пойду в суд.

— Через четыре дня после ссоры.

— Через четыре дня после решения. Ссоры у нас начались раньше.

— Я предлагаю месяц поработать с семейным психологом. Не вместо исправления документов. Параллельно. Если через месяц ты не изменишь решения, я подпишу заявление.

Наталья не вмешивалась. Она была моим юристом, но не собиралась превращать кабинет в место, где двое взрослых говорят через переводчика.

— Я готова позже обсуждать, почему наш брак стал таким, — сказала я. — Это может быть полезно каждому из нас. Но я не согласна оставаться женой как условие этих разговоров.

— Почему условие? Это срок, чтобы не принимать необратимое решение в кризисе.

— Месяц ничего не проверит. Ты исправишь пресс-релиз, будешь спрашивать перед звонками и решишь, что проблема устранена. Я постараюсь быть справедливой, увижу усилия и снова отложу себя на потом.

— Ты заранее объявляешь любые мои действия недостаточными.

— Нет. Я отделяю изменения от оплаты. Ты можешь меняться, если считаешь нужным. Но я не буду обещать сохранить брак в награду.

— А развод должен стать наказанием?

— Он не наказание. Я прекращаю порядок, на который больше не согласна.

Владислав посмотрел на Наталью.

— Вы всегда позволяете клиентам говорить такими готовыми формулировками?

— Моя клиентка говорит сама, — ответила она. — Если хотите, можете пригласить собственного представителя или продолжить без меня. Я вмешаюсь, когда речь пойдет о юридических последствиях.

Он коротко извинился. Не передо мной, перед Натальей. Я отметила это и продолжила:

— Ты говоришь, что все началось четыре дня назад. Для меня — нет. Помнишь перевод в Северный округ четырнадцать лет назад?

— Конечно.

— Мне предложили руководить складским комплексом. Ты пришел домой и сказал, что через шесть недель мы переезжаем. Я отказалась от повышения.

— Мы обсуждали, что жить в разных городах не будем.

— Мы обсуждали, как быстро я найду новую работу. Вариант, при котором переезжаешь только ты, даже не рассматривался.

— Ты его не предложила.

— Да. Я тогда считала, что хорошая жена не усложняет жизнь мужу перед назначением. Через четыре года был еще один перевод. Потом твоя академия. Отпуск, который я переносила три раза. Моя операция, на которую ты не приехал, потому что в области был паводок.

— Там погибли люди.

— Я знаю. И никогда не требовала, чтобы ты бросил службу. Я просила заранее найти человека, который заберет меня из больницы. Ты сказал, что успеешь сам, а потом позвонил моей коллеге за два часа до выписки.

— Она приехала.

— Да. Потому что я всегда находила людей, которые закрывали последствия твоей уверенности.

Он отвел взгляд к окну. Я не хотела составлять список обид. Отдельный эпизод можно было объяснить службой, срочностью или моим молчанием. Вместе они показывали порядок.

— Я не просила тебя выбирать между людьми в зоне паводка и мной, — сказала я. — Я хотела участвовать в плане собственной жизни. Сегодня ты сделал с моей организацией то же самое: сначала решил, потом оставил мне логистику.

— Я думал, что снимаю с тебя нагрузку.

— Я знаю.

— Тогда почему намерение совсем ничего не значит?

— Значит. Поэтому я не считаю тебя злым человеком и не собираюсь воевать за каждую тарелку. Но хорошее намерение не возвращает мне место в решении.

Владислав молчал долго. Наталья перевернула лежавший перед ней лист, не торопя его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.